

УДК 821.161.1-3
ББК 83.3(2)6

DOI: 10.31862/1819-463X-2024-1-11-20

МИФОЛОГЕМА СИБИРИ В ДИЛОГИИ А. В. ИВАНОВА «ТОБОЛ»: генезис, геопоэтика, аксиология

Д. Е. Бондарчук, Я. В. Солдаткина

Аннотация. В статье анализируются художественные принципы воплощения мифологемы Сибири в дилогии современного писателя А. В. Иванова «Тобол». Литературная традиция интерпретации мифологемы Сибири имеет многовековую историю и связана с политическими, территориальными и культурными особенностями освоения региона. Для русской ментальности Сибирь мыслилась местом отдаленным, гиблым, своего рода филиалом ада на земле – мифоэтическая семантика, свойственная «лагерной прозе». Но природные красоты и богатства, а потом и знакомство с населяющими Сибирь народностями заставляют пересмотреть отношение к Сибири. Геопоэтика Сибири учитывает ее реальное географическое положение, но строится на антитезе между европейским и местным взглядом на ландшафт и потенциал региона, собирающего названного писателем по главному для XVIII в. городу Сибири. Иванов последовательно объединяет различные подходы к художественному истолкованию Сибири, заставляя восхищаться ее самобытностью, не забывая ее жестокости здешних обычаев. Ключевую роль в дилогии играют персонажи, которые мечтают превратить «адскую» Сибирь в рай на земле, верят в обновление и возрождение этой земли за счет таких аксиологических принципов, как милость и диалог. В выводах статьи обобщается геоэтическая, аксиологическая и культурно-историческая семантика мифологемы Сибири в дилогии «Тобол».

Ключевые слова: мифологема, геопоэтика, сибирский текст, аксиология, современная русская проза, А. В. Иванов, дилогия «Тобол».

Для цитирования: Бондарчук Д. Е., Солдаткина Я. В. Мифологема Сибири в дилогии А. В. Иванова «Тобол»: генезис, геопоэтика, аксиология // Наука и школа. 2024. № 1. С. 11–20. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-1-11-20.

© Бондарчук Д. Е., Солдаткина Я. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

THE MYTHOLOGEME OF SIBERIA IN A.V. IVANOV'S "TOBOL"
DIALOGY: Genesis, Geopoetics, Axiology

D. E. Bondarchuk, Ya. V. Soldatkina

Abstract. *The article analyzes the artistic principles of embodiment of the mythologeme of Siberia in the dilogy of the modern Russian writer A. V. Ivanov "Tobol". The literary tradition of interpretation of the mythologeme of Siberia has a centuries-old history and is connected with political, territorial and cultural peculiarities of the development of the region. For the Russian mentality, Siberia was thought of as a remote, perishing place, a kind of a branch of hell on earth – mytho-ethical semantics peculiar to "camp prose". But natural beauties and riches, and then acquaintance with the peoples inhabiting Siberia makes us reconsider our attitude to Siberia. The geopoetics of Siberia takes into account its real geographical position, but is built on the antithesis between the European and local view of the landscape and the potential of the region, collectively named by the writer after the main city of Siberia in the 18th century. Ivanov consistently combines different approaches to the artistic interpretation of Siberia, making us admire its originality without forgetting the brutality of local customs. The key role in the dilogy is played by characters who dream of turning "hellish" Siberia into a paradise on earth, believe in the renewal and revival of this land through such axiological principles as mercy and dialog. The conclusions of the article summarize the geo-ethical, axiological and cultural-historical semantics of the mythologeme of Siberia in the Tobol dilogy.*

Keywords: *mythologeme, geopoetics, Siberian text, axiology, modern Russian prose, A. V. Ivanov, dilogy "Tobol".*

Cite as: Bondarchuk D. E., Soldatkina Ya. V. The mythologeme of Siberia in A. V. Ivanov's "Tobol" dilogy: genesis, geopoetics, axiology. *Nauka i shkola*. 2024, No. 1, pp. 11–20. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-1-11-20.

Образ Сибири в творчестве А. В. Иванова

Для современной русской литературы характерен повышенный интерес к локальным текстам, который продиктован поисками национальной идентичности, стремлением эстетически осмыслить природное, языковое, религиозное разнообразие России в контексте полифункциональных и разнонаправленных исторических и культурных процессов. Как отечественные писатели, так и отечественная гуманитаристика уделяет огромное внимание художественному изображению и научной интерпретации таких ключевых российских регионов, как Урал и Сибирь [1, с. 143–151], делая вывод о наличии узнаваемых черт и складывании литературной традиции воссоздания образа региона с опорой на его географические параметры, историю его заселения, освоения его ресурсов, мифологические и этические представления коренных народов, которые включаются в межкультурный и межнациональный диалог. Для творчества известного современного русского писателя А. В. Иванова уральский и сибирский тексты обладают принципиальной важностью, поскольку Иванов последовательно сосредоточен на описании отечественной провинции, ее героев, сюжетов, природных ландшафтов, во многом сохранивших живой национальный колорит. В прозе Иванова актуализированы такие дифференциальные признаки Сибири, как пограничье и мультикультурность, противопоставленность

центра и окраины, семантическая амбивалентность (красота и суровость природы, столкновение грешности и праведности, преступников и святых, любви и ненависти, христианства и язычества), однако все эти качества раскрываются в широком контексте литературной традиции восприятия Сибири и обладают повышенным символическим значением, вбирающим в себя социокультурные, религиозные и эстетические представления, идеи, образы, связываемые и с реальным сибирским ареалом и с Сибирью как художественным концептом, так что правомочно будет говорить о формировании мифологемы [2] Сибири в романистике Иванова, наиболее ярко раскрывающейся в дилогии «Тобол» (2016–2018).

Генезис мифологемы Сибири в русской литературе

На протяжении нескольких веков Сибирь в русской литературе представлена дихотомией ада/рая, потустороннего мира/дома, которая становится определяющей и для современного сибирского текста: а) образ мифологической страны *загробной* жизни; а) образ родины, дома, места восстановления и силы. В культурном сознании большинства жителей Центральной России Сибирь – место вечной зимы, бесконечного и сурового леса, темной ночи и крайнего холода. Сибирь – пространство, не созданное для людей. А. П. Чехов в очерках *«Из Сибири»* писал об этом регионе следующее: «Сила и очарование тайги не в деревьях-гигантах и не в гробовой тишине, а в том, что разве одни только птицы перелетные знают, где она кончается» [3, с. 36]. Человек, попавший туда однажды, погибнет и обратно никогда не вернется. Н. Н. Родигина, характеризуя образ региона, пишет следующее: «...характерно <...> представления о Сибири как о “золотом дне”, своеобразной кладовой, богатой природными ресурсами. Одновременно Сибирь рассматривалась как свидетельство территориального могущества русского государства, своеобразный ресурсный, в том числе и земельный, резерв империи» [4, с. 192].

Характеристика Зауралья в русской литературе как пространства изгнания и ссылки впервые появилась еще в «Житии протопопы Аввакума». Ссылка в Сибирь под пером Аввакума наделяется символическим значением, переводящим реальное пространство в мифологическое: «Таже послали меня в Сибирь с женою и детьми <...> три тысячи верст недель с тринадцать волокли» [5, с. 83] «<...> Ну, слава Христу! Хотя и умрешь после того, ино хорошо» [5, с. 98]. Испытание Сибирью, равное смерти, обещает прошедшим через него духовное воскрешение.

Местом наказания, филиалом ада на земле Сибирь оставалась и при Романовых, но расширение символического наполнения образа Сибири проявилось в XIX в., когда на каторгу и поселения массово отправили сначала декабристов, а затем и других «вольнодумцев». Декабристы, будучи людьми умными, интеллигентными, высоко одаренными, впитали в себя природу, культуру и фольклор Сибири, надолго закрепив за ней хронотопический образ отдаленного от привычного мира **антипода** всему живому, но и крайне много сделали для региональной сибирской культуры.

Достоевский, сам прошедший через сибирскую каторгу и в определенной степени наследующий декабристам, напишет одно из первых масштабных произведений, позже объединенных тематическим направлением «лагерная» («тюремная») литература – «Записки из Мертвого дома», а потом начнет эпилог романа «Преступление и наказание» словами: «Сибирь. На берегу широкой, пустынной реки стоит <...> острог. В остроге уже девять месяцев заключен...» [6, с. 254], продолжая популяризацию образа региона как места-каторги, заключения, но и нового духовного опыта, превращающего наказание в испытание, в перспективе обогащающего и даже

возрождающего его носителя. Традицию уже в XX и XXI вв. продолжают А. И. Солженицын, Г. Ш. Яхина и многие другие.

Как видим, наравне с моделированием пространства Сибири-каторги, все большее значение в русской литературе получают и другие, не менее важные и смыслообразующие образы: образ Сибири-испытания, Сибири – новой жизни, и даже образ Сибири-родины. Для последнего первопроходцем выступил Н. Карамзин. В IX томе «Истории государства Российского» он повествует о походе Ермака в Сибирь. Карамзин использует мотивы и образы, связанные с подобными практиками (мотив предсказания судьбы, мотив культовых предметов, образы волхвов, кудесников, взаимодействия с природой, лесом, небом и реками). Такое нетривиальное для исторического документа решение кардинально повлияло на специфику жанра исторического повествования. Сакральная и мифологическая (во многом выраженная именно природой) составляющая сопровождает все значимые повороты судьбы участников исторических событий, то предвосхищая их, то помогая осмыслить уже свершившееся.

Разработку мифопоэтики культурного пространства Сибири продолжил в своем литературном творчестве А. С. Хомяков, который в трагедии «Ермак» (1825) использовал мотив шаманского предсказания судьбы Ермака. Уже с начала повествования природа раскрывает Ермаку его участь, сам он говорит об этом так: «читал в небесах», «(мне) небо говорило»: «Пойду на смерть, но смелою стопою: / Мне сладкий глас прощенье обещал» [7].

Осмысленное и символически организованное пространство природы сибирского края концентрируют в себе главные ценности и главные противоречия, определившие идейную и жанрово-стилевую направленность образа Сибири-родины.

В XIX в. писатели, родившиеся в Сибири, в том числе Н. Щукин, Н. Бобылев и Н. Полевой, продолжили привносить изменения во все еще закоряченный образ Зауралья. Особенно ярко выделяется личность и творчество Николая Алексеевича Полевого, прозаика, основателя и главного автора журнала «Сибирский телеграф». Издание ставило сибирскую тему во главу угла, за несколько лет работы были опубликованы десятки произведений малых и больших жанров о Сибири. Многие вышли из-под пера самого Полевого: повести «Сохатый», «Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь», драма «Параша-сибирячка», «Анекдоты сибирской храбрости».

Важной целью своего литературного творчества Н. А. Полевой ставил необходимость донести до читателей отличный от устоявшегося взгляд на Сибирский регион. В первую очередь Полевой борется со стереотипом, что в Сибири живут одни разбойники и воры, рассказывая о реальном образе жизни жителей Зауралья, их быте, нраве и культуре. Н. А. Полевой был основателем и пропагандистом использования образа Сибири как конструируемой многозначной мифологемы, которая бы фокусировалась не на недостатках, а на достоинствах и национальной идентичности региона. Он считал, что его малая родина – богатый и неизученный материал для массы художественных произведений самых разных жанров. Именно благодаря деятельности Полевого в литературе начала появляться группа писателей-сибиряков. Уже позже, в XX и XXI вв., к этой традиции примкнул В. П. Астафьев, В. М. Шукшин.

Место дилогии «Тобол» в творчестве А. В. Иванова и решении сибирской темы

Особняком стоит творчество нашего современника А. В. Иванова, чьи «Сердце Пармы» (2000), «Золото бунта» (2006) и «Тобол» (2016–2018) нельзя четко отнести ни к одной из противоположных художественных моделей региона. Литературные критики сошлись во мнении, что роман «Тобол. Много званых» – «роман о пространстве,

о судьбах пространства, о судьбах людей, которые в это пространство попали» [8]. А. В. Иванов стремится к полномасштабному раскрытию уникальной природно-географической и культурно-исторической территории и мифопоэтики Сибири, «которая незаслуженно оказывается на периферии национальной идентичности...» [9, с. 3].

Писатель уверен в необходимости популяризации Зауралья в сознании россиян. Его инструмент – художественное переосмысление Сибири как «особого культурного пространства в символической топографии русской культуры» [10, с. 3]. Поставив столь смелую цель – синтезировать и уточнить образ региональных идентичностей, «автор пытается вписать сибирский комплекс в геопанораму страны, творя миф о пространстве Сибири в контексте массовой культуры» [11].

В наиболее обстоятельном и суммирующем все сибирские мифологемы двухтомном романе Иванова «Тобол» присутствуют несколько доминирующих вариантов территориального и мифопоэтического образа Сибири. Две основные пространственные модели: 1) Сибирь коренных народов Зауралья, 2) Сибирь, воспринятая через призму русского и другого переселенного населения. Пространство коренных народов, в свою очередь, также разнится в зависимости от их образа жизни и мировосприятия. Оно отвечает их мифологическому восприятию мира. «Миф должен, в первую очередь, проистекать из географии» [12] – такого мнения в своем творчестве придерживается А. Иванов. Это утверждение выявляет необходимость размежевать анализ природной мифологемы Сибири по принципу “местный” и “пришедший извне”.

Геопозтика Сибири в дилогии «Тобол»

Для тех, кто пришел в Сибирь извне, уже дорога предстает невыносимой каторгой: «Они шли на восток бесконечно долго. В заунывном однообразии пути можно было поверить, что земная твердь скоро незаметно пойдет под уклон, и они, идущие на восток, потихоньку окажутся уже в пределах преисподней. Но преисподняя никак не начиналась <...> и все продолжалась, все тянулась, все не заканчивалась эта непомерная Россия, неизбывная и неотвратимая, как Страшный Суд» [13, с. 15]. В сознании героев, от чьего лица написан данный отрывок, территория, по которой они идут бесконечна, из нее не существует выхода.

Ощущение отдаленности от Европейской части России, а, как следствие, и дома вызвано еще и тем, что Сибирь достаточно хрестоматийно воспринимается как место наказания, как «чужое» пространство. Ощущение времени на пути в кажущееся никуда, во ад, практически замирает: «...Здесь, в Сибири, все ему казалось каким-то нечеловеческим. Слишком большая земля – бессмысленно, мучительно большая. Здесь тяжелые облака за день не добирались от одного края неба до другого. Здесь холодное солнце летом не успевало совершить оборот и лишь чуть окуналось за горизонт, чтобы сразу всплыть заново. На такую протяженность у бога не хватило разнообразия, и все здесь было заунывно-одинаковым: одинаковые низкие берега, одинаковые леса, одинаковые селения, одинаковые инородцы. Даже вода и воздух были одинаковыми – порой и не понять, плывет ли по реке их дощаник или парит в пустоте, как соломенный журавлик в светлом тумане» [13, с. 189].

В «Тоболе» Сибирь можно увидеть через призму совершенно разных персонажей, что позволяет автору одновременно раскрыть неоднозначность, амбивалентность ее геопозтики и придать Сибири символический характер мифологемы, моделируемой совокупностью противоречивых представлений, разнящихся в зависимости от национальности и культурного багажа. На Сибирь по-своему смотрят

шведские ссыльные, местные народы, русские авантюристы и китайцы: «В восприятии шведских пленных Сибирь – территория наказания и плена, замкнутое и враждебное пространство. Для раскольников она характеризуется как место испытания. Беглые видели в Сибири “рай на земле”, территорию свободы. Интересно восприятие героями Сибири с точки зрения ее географической ориентации: для шведов Сибирь – Восток, для китайцев – Север» [14, с. 24]. Геопозитические образы в романе многогранные, яркие и аутентичные. Они, с одной стороны, обладают традиционной для русской литературы характеристикой гибельного для всех враждебно настроенных героев топоса, широкого, бесконечно большого места, из которого нет обратного пути. С другой же, все те же локации и образы в глазах местных малых народов предстает как нечто неотъемлемое, важное и плотно вросшее в их культуру место [15, с. 70–78]. Такая двойственность ландшафта вкупе с кинематографичной выразительностью делает мифологему природы Сибири уникальной, многоуровневой и сложной.

Повествователем, стоящим как бы над основными событиями, лес раскрывается как место, где правит природа, где каждое дерево, каждый кустарник имеет свою судьбу и свою силу. Иванов использует яркие и красочные описания, чтобы оживить ключевые для геопозитики Сибири мифологемы леса и реки перед читателем. Он отмечает его зеленые глубины, шум ветра в вершинах деревьев, запахи и звуки, которые наполняют воздух: «Иртыш призрачно и просторно светлел в темноте шевелящимся ледоходом, а в черном небе мерцали джунгарские созвездия, перекрещиваясь, будто следы степных колесниц, – никто не узнал их древних названий» [13, с. 353].

Для русских тайга – непокоренное, чужое пространство, которое не желает их принимать: «Здесь не построить городов с храмами, как у русских. Для этого надо уничтожить тайгу. Тайга не для огромных народов, а для крошечных семей, разрозненно рассыпанных по непреодолимому и враждебному пространству» [13, с. 642]. Для маленьких местных народностей таежный лес наоборот – что-то магическое и загадочное. Место, которое символизирует природную силу и духовное возрождение, служит источником вдохновения и мудрости, помогая им найти ответы на свои внутренние вопросы.

Через описание природных явлений, тайги и реки автор передает их мощь и влияние на всех героев романа, как местных, так и пришлых. Лес является неотъемлемой частью истории и культуры Сибири, служит источником физических и моральных ресурсов. Он во многом олицетворяет собой саму Сибирь в ее красоте, в богатстве ее потенциала и в то же время в ее непокоренности, угрозе. Река также представляет собой силу, которая может быть как благосклонной, так и опасной, и в то же время Сибирь готова принять и праведников, и преступников, и пленных, и завоевателей, в ней можно найти искупление даже такому временщику и самозванцу, как князь Гагарин: «Только на реке Матвей Петрович ощутил, что он снова в Сибири, – услышал гулкую, грозную и беспокойную тишину тайги <...> Великие реки издавна были основными дорогами через непроходимую таежную Сибирь. Огромные потоки начинались неведомо где, в ущельях китайских хребтов, а заканчивались среди вечных льдов полуночного океана» [13, с. 71].

Следуя за литературными предшественниками, Иванов использует сибирский нарратив для актуализации одной из культурных моделей, которая открывает возможности для личного возрождения одним и сулит окончательную духовную и физическую гибель другим: так, губернатор Сибири Гагарин не выдерживает искушения богатствами Сибири, последовательно нарушает все христианские заповеди

и заканчивает жизнь на эшафоте, а его протеже архитектор и художник Семен Ремезов – наоборот, заражает своим восхищением Сибирью окружающих и получает в финале полную авторскую поддержку, несмотря на многие прегрешения и сварливый характер.

Аксиологические основы мифологемы Сибири в «Тоболе»

Тайга становится местом приложения разнообразных мистических сил, символом национальных верований и способом утверждения правоты евангельского милосердия, проповедуемого в романе крестителем Сибири митрополитом Филофеем [14, с. 23–24], формирует убеждения, национальную идентичность и уникальность сибирского населения. Так, одна из основных героинь романа остячка Айкони, отданная родным отцом в качестве дани русским, влюбилась в пленного шведского офицера Табберта, отправленного в сибирскую ссылку после поражения Швеции в Полтавской битве. Айкони решается на проведение шаманского обряда, который должен помочь ей привязать к себе любимого. Она считает себя ребенком «великих предков» [13, с. 271], и потому открыто выстраивает диалог с «небесами». Сама природа откликается на ее призыв к высшим силам волшебными всполохами небосвода: «...друг за другом крутыми извивами стали зажигаться ленты прозрачного неземного света – вишневые, золотые, алые, изумрудные, малиновые. Беззвучное холодное пламя полыхало и плясало над спящим бревенчатым городом» [13, с. 268]. Она строгает идолка Синга-чахль из полена, чтобы тот, вобрав в себя силы духов природы, навсегда соединил ее с Таббертом: «...тот, кто порвет волос, никогда никуда от нее не денется, пока великие предки жгут на небе свои холодные костры». Мораль Айкони тесно связана с языческими представлениями о злых и добрых духах, которых можно задобрить, заставить себе служить, чтобы получить желаемое ценой насилия. Постепенно Айкони начинает воспринимать себя земным воплощением лесной ведьмы, которая добро и зло воспринимает только через призму собственного существования. В итоге, убегая из русского плена, Айкони растворяется в тайге, губя всех, кто пытается ей помешать.

Таежной ведьме Айкони и таежным шаманам противостоит, сам того не желая, митрополит Филофей, который вынужден участвовать в прениях с язычниками, но принципиально не желает применять силу. Казакам из команды Филофея тайга враждебна, но крещенный митрополитом глава остяков Пантила, пораженный милосердием Филофея, мечтает примирить языческую тайгу и христианского Бога, веря, что тайга может стать частью христианского мира, не потеряв при этом своей самобытности. Для писателя река и лес из мест столкновения противников постепенно переосмысляются как территория возможного диалога и, в идеале, примирения: именно с реки приходит помощь митрополиту Филофею, Семену Ремезову с семьей, самому Пантале с остяками – причем от русских казаков.

Для Семена Ремезова, вдохновенного картографа и историографа Сибири, делом жизни становится церковное прославление легендарного Ермака как героя, признаваемого всеми сибирскими народностями, от русских до степняков-джунгар, и одновременно – как фигуры, придающей Сибири сакральное значение освященной, а не проклятой земли. И хотя в романе описываются два реальных будущих местночтимых сибирских святых, митрополиты Филофей и Иоанн Тобольские, для Иванова во многом именно Ремезов олицетворяет собой мифопоэтический образ Сибири как талантливой, безмерно одаренной, грешной, но признающей свою неправоту и готовой на подвиги наднациональной общности.

Автор стремится вписать Сибирь в историю и культуру России как ее неотъемлемую часть, принимающую в себя и объединяющую людей разных вер, народностей, ментальностей.

Выводы

Мифологема Сибири в отечественной культуре и литературе имеет давнее происхождение: она формируется со времен освоения Сибири русскими и восприятия этого региона как удаленного, гиблого, а затем и вовсе каторжного, адского места. Геопоэтика Сибири делает акцент и на ее труднодоступности, и на ее принципиальной отличности от природы и обычаев европейской части России. Но постепенно природные богатства Сибири, ее природная красота и самобытность ее народов начинают не только привлекать внимание переселенцев, но и художественно осмысляться в русской литературе, вдохновленной Сибирью. На данном этапе мифологема Сибири включает в себя дихотомию *Сибирь-каторга* и *Сибирь-родина*, элементы которой сосуществуют и активно дополняют семантику друг друга. В творчестве А. В. Иванова, особенно в недавней дилогии «Тобол», литературная традиция восприятия Сибири уточняется, а сама Сибирь дополнительно поэтизируется и мифологизируется за счет развернутых пейзажных описаний, воспроизведения языческих ритуалов и поверий, а также посредством сюжета крещения сибиряков как основы для мирного диалога и сакрализации Сибири (аналог не ада, но земного рая). Художественная модель региона складывается из целого ряда взглядов: научный, исторический, этнический, культурный, мифологический, религиозный. По убеждению самого Иванова, региональная идентичность формируется как из географических особенностей территории, влияющей на повседневный образ жизни, так и из смысловых пространств, что создает внутри них культурная идентичность народов, ее населяющих. В дилогии «Тобол» писатель суммирует и обобщает различные мифологические и символические интерпретации Сибири, создавая единую мифологему, отражающую всю полноту современного этико-эстетического восприятия Сибири в литературе и культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абашев В. В., Абашева М. П.* Литература и география. Урал в геопоэтике России // Вестн. Пермского ун-та. 2012. № 2. С. 143–151.
2. *Коновалова Н. И.* Мифологема как свернутый сакральный текст // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 209–215.
3. Чехов А. П. Из Сибири // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1987. Т. 14–15.
4. *Родигина Н. Н.* Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006.
5. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / ред., вступ. ст. и коммент. Н. К. Гудзия. М.: Academia, 1934.
6. *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание. 2017. URL: <http://vekordija.narod.ru/R-RASKOL.PDF> (дата обращения: 04.10.2023).
7. *Хомяков А. С.* Избранное. Тула: Приокское кн. изд-во, 2004. URL: http://az.lib.ru/h/homjakow_a_s/text_0040.shtml (дата обращения: 01.10.2023).
8. *Пульсон К.* Алексей Иванов: У современности снаружи – социализация, внутри – фейк // Российская газета. 22.02.2018. URL: <https://rg.ru/2018/02/22/aleksej-ivanov-u-sovremennosti-snaruzhi-socializaciia-vnutri-fejk.html> (дата обращения: 25.09.2023).
9. *Подлесных А. С.* Геопоэтика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.

10. Пестова О. Н. Геопоэтика современной русской литературы: роман А. Иванова «Сердце пармы, или Чердынь – княгиня гор» // Молодежь и наука: сб. материалов X Юбилейной Всерос. науч.-техн. конф. Красноярск, 2014. URL: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2014/pdf/d01/s40/s40_011.pdf (дата обращения: 25.09.2023).
11. Синявская О. Ю. Поэтика пространства в контексте современной медиакультуры (на материале романа Алексея Иванова «Тобол. Много званых» // Медийные процессы в современном гуманитарном пространстве: подходы к изучению, эволюция, перспективы: материалы IV науч.-практ. конф. / под ред. Я. В. Солдаткиной, А. А. Роговского. Ставрополь: Центр науч. знания «Логос», 2019.
12. Писатель и окрестности // Сайт Алексея Иванова. URL: <http://www.ivanproduction.ru/intervyu/duplicate-of-istoriyavsegda-krovozhadna.html> (дата обращения: 30.09.2023).
13. Иванов А. В. Тобол. Много званых. М.: АСТ, 2016.
14. Сазонова А. С. Поэтика сибирского текста в романе А. В. Иванова «Тобол» // Вестн. Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 1, № 1. С. 20–25.
15. Сироткина Т. А. Этнические образы народов Сибири в романе Алексея Иванова «Тобол» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 70–78.
16. Солдаткина Я. В. Евангельские притчи в дилогии А. В. Иванова «Тобол»: аксиологические и эстетические функции // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 4. С. 143–152. URL: <https://filolnauki.ru/ru/archive/1808/4374> (дата обращения: 30.09.2023).

REFERENCES

1. Abashev V. V., Abasheva M. P. Literatura i geografiya. Ural v geopoetike Rossii. *Vestn. Permskogo un-ta*. 2012, No. 2, pp. 143–151.
2. Konovalova N. I. Mifologema kak svernutyi sakralnyy tekst. *Politicheskaya lingvistika*. 2013, No. 4 (46), pp. 209–215.
3. Chekhov A. P. Iz Sibiri. In: Chekhov A. P. *Poln. sobr. soch. i pisem*. In 30 vols. Moscow, 1987. Vol. 14–15.
4. Rodigina N. N. *Obraz Sibiri v russkoy zhurnalnoy presse vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. ScD dissertation (History)*. Novosibirsk, 2006.
5. Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniya. Ed. by N. K. Gudziya. Moscow: Academia, 1934.
6. Dostoevskiy F. M. *Prestuplenie i nakazanie*. 2017. Available at: <http://vekordija.narod.ru/R-RASKOL.PDF> (accessed: 04.10.2023).
7. Khomyakov A. S. *Izbrannoe*. Tula: Priokskoe kn. izd-vo, 2004. Available at: http://az.lib.ru/h/homjakow_a_s/text_0040.shtml (accessed: 01.10.2023).
8. Pulson K. Aleksey Ivanov: U sovremennosti snaruzhi – sotsializatsiya, vnutri – feyk. *Rossiyskaya gazeta*. 22.02.2018. Available at: <https://rg.ru/2018/02/22/aleksey-ivanov-u-sovremennosti-snaruzhi-socializaciia-vnutri-fejk.html> (accessed: 25.09.2023).
9. Podlesnykh A. S. *Geopoetika Alekseya Ivanova v kontekste prozy ob Urale. Extended abstract of PhD dissertation (Philology)*. Ekaterinburg, 2008.
10. Pestova O. N. *Geopoetika sovremennoy russkoy literatury: roman A. Ivanova “Serdtshe parmy, ili Cherdyn – knyaginya gor”*. In: *Molodezh i nauka. Proceedings of the X Anniversary All-Russian scientific-technical conference*. Krasnoyarsk, 2014. Available at: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2014/pdf/d01/s40/s40_011.pdf (accessed: 25.09.2023).
11. Sinyavskaya O. Yu. *Poetika prostranstva v kontekste sovremennoy mediakultury (na materiale romana Alekseya Ivanova “Tobol. Mnogo zvanykh”*. In: *Mediynye protsessy v sovremennom gumanitarnom prostranstve: podkhody k izucheniyu, evolyutsiya, perspektivy. Proceedings of the IV scientific-practical conference*. Ed. by Ya. V. Soldatkina A. A. Rogovskiy. Stavropol: Tsentr nauch. znaniya “Logos”, 2019.
12. Pisatel i okrestnosti. In: *Sayt Alekseya Ivanova*. Available at: <http://www.ivanproduction.ru/intervyu/duplicate-of-istoriyavsegda-krovozhadna.html> (accessed: 30.09.2023).
13. Ivanov A. V. *Tobol. Mnogo zvanykh*. Moscow: AST, 2016.

14. Sazonova A. S. Poetika sibirskogo teksta v romane A. V. Ivanova "Tobol". *Vestn. Volzhskogo un-ta im. V. N. Tatishcheva*. 2020, Vol. 1, No. 1, pp. 20–25.
15. Sirotkina T. A. Etnicheskie obrazy narodov Sibiri v romane Alekseya Ivanova "Tobol". *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2018, Vol. 10, Iss. 4, pp. 70–78.
16. Soldatkina Ya. V. Evangel'skie pritchi v dialogii A. V. Ivanova "Tobol": aksiologicheskie i esteticheskie funktsii. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly*. 2022, No. 4, pp. 143–152. Available at: <https://filolnauki.ru/ru/archive/1808/4374> (accessed: 30.09.2023).

Бондарчук Даниил Евгеньевич, магистрант кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет
e-mail: daniil.bondarchuk.99@bk.ru

Bondarchuk Daniil E., Student in the Master's Programme, Russian Literature of the 20th–21st centuries Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University
e-mail: daniil.bondarchuk.99@bk.ru

Солдаткина Янина Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет
e-mail: yav.soldatkina@mpgu.su

Soldatkina Yanina V., ScD in Philology, Full Professor, Professor, Russian Literature of the 20th–21st centuries Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University
e-mail: yav.soldatkina@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 23.10.2023
The article was received on 23.10.2023